

Валентина Фролова

* * *

Томная осень, крылья раскинув,
Вновь над землей проплывает неспешно,
Гнутся покорно плечи рябинок,
Словно стыдятся зрелости грешной.

Как же им спрятать спелые гроздья,
Так они манят губы и руки!
Поздний сентябрь паутинку набросил,
Не от нее ль эти тонкие звуки?

* * *

Вот и заглодало,
В красных шарфах осины.
Небо прозрачней стало —
Осень пришла в Россию.

Падают с кленов звезды —
Полю за труд награда.
Яблок последних россыпь
Манит пройти по саду.

Яркой веселой кистью
Выписан леса покров.
Там, среди опавших листьев,
Шорох растущих грибов.

Синий над Доном купол
Соснами тонко дышит.
Плач улетающих уток
Таает в небесных высях...

Надежда Мекка

СТАРАЯ ШКОЛА

Сельская школа, казалось бы, простенький дом.
Только осталась хорошая память о нем.
В маленьких классах уютное было тепло.
Там наше звонкое детство когда-то прошло.
Старые парты и черные крышки под лак,
Два отделенья для ранцев и школьных бумаг,
Место для ручек, чернильниц и карандашей.
Все предусмотрено было для нас, малышей.
Помнится, как мы, дыханье свое затаив,
На деревянной доске выводили курсив.
Мелом писали, стирая всю тряпку до дыр,
«Родина, мама, счастливое детство и мир»
Лили дожди, падал белый сверкающий снег,
Всякое было в уроках, провал и успех,
Горькие слезы ошибок и радость побед.
И впереди еще много безоблачных лет.
Сельская школа, заброшенный старенький дом,
Больше не слышен звонок жизнерадостный в нем.
Выросли дети, а новых сюда не пришло.
Школа закрыта, и вымерло с нею село.

Светлана Трушина

БАБЬЕ ЛЕТО

Дни бабьего лета — особенный праздник,
Они будоражат, чаруют и дразнят.
На солнце зарделся платочек рябины,
И клен приоделся, вдруг выпрямив спину.

Ольха в паутинках серебряных кружев
В вальсе старинном с осинником кружит.
В косах березки блеснувшая проседь
Вызвала слезы обиды на осень.

Дни пролетели волшебной стрелой,
Роща смирилась с коварной судьбою,
Только бросает под ноги рассветам
Золото листьев в награву за лето.

Иван Лядов

КЕРОСИНОВАЯ ЛАМПА

Наверно, время все из памяти стирает,
И много вод с тех пор уж утекло.
Отец газетой «Правда» вытирает
От лампы керосиновой стекло.

Блестит пузырь покатыми боками,
И чудный свет заполнил всю избу.
Лежу на печке, как под облаками, —
Мне завтра рано утром на косьбу.

Пропахла вся рубаха горьким потом:
Уж больно жарким выдался денек.
Спешу домой мимо соседских окон
На свой семилинейный огонек.

В потемках зажигаю лампу-свечку.
В душе, как в церкви на Михайлов день.
Мать хлеб пекла: жара стоит на печке,
Даже клопам кусаться и то лень.

Подул в пузырь — погасли блики света,
А за окном чуть слышен шум лозин.
Ночь. Тишина. Мычит корова где-то.
Вкуснее меда пахнет керосин.

ДЕРЕВЕНЬКА МОЯ...

Вновь шагаю в родные края
По проселку в деревню, где рос,
И раскисшая вдрызг колея
Мне целует ботинки врасос.

Меня встретят березки за домиком,
Где в помине нет модных вещей,
Где мне мать деревянным половником
Нальет в миску наваристых щей.

Где качает ночная прохлада
Синеву созревающих слив.
И с небес, будто с райского сада,
Гулко падает «белый налив».

Деревенька, забытая богом,
Крест несет свой на тощем горбу,
Там, где месяц серебряным рогом
Сыпет звезды в печную трубу.

Где поют вечерами гармони,
И где плачут росой лопухи.
С полотенца в углу на иконе
Ранним утром кричат петухи.

На заре поплюю на ладони —
Не ударить бы в грязь мне лицом, —
Сенокос — не игра на гармонии,
И я в поле иду за отцом.

Все быльем поросло. Деревушка
Доживает свой век бобылем,
И стоит, скособочась, избушка,
Как на паперти бомж с костылем.

Птичьи гнезда исчезли с березы,
И сползли шапки крыш набекрень.
Будто скальпелем кто без наркоза
Полоснул по сердцам деревень.

Евдокия Лычагина

ПАМЯТИ МОЕГО ДЕДА

Не знаю я, где был ты похоронен,
Мой не пришедший с поля брани дед.
Где ты, в лесу или на горном склоне,
Оставил свой последний в жизни след?
Как много вас в далеком сорок первом
Безвестно сгинуло, сраженных наповал!
И где-то там лежишь и ты, наверно,
В бою погибнув, без вести пропал.
Не нянчил внуков, что теперь сравнялись
С тобою прежним в возрасте давно.
Не видел ты, как дети поднимались,
Как разлетались, вставши на крыло.
Все потому, что далеко от дома
Нашел другой — с березкой и травой,
Где под раскатами лихого злого грома
Увидел свет последний над собой.
О чем ты думал, смерть свою встречая,
В далеком том, кровавом том году?
О том, что, землю эту покидая,
Ты оставлял жену с детьми одну?
Или в последний миг перед глазами
Мелькнули лица маленьких детей
И хуторок в леске между полями,
Где перед домом ивовый плетень?..
Кто хоронил тебя, мой дед Володя,
Мой нестареющий, мой незнакомый дед?

Ты так же молод, хоть промчались годы,
Хотя минуло много-много лет.
Не знаю я, каким ты был когда-то.
Ведь я тебя не видела совсем!
Одна из внучек павшего солдата,
Каких так много на моей земле...
Но приходя на братские могилы,
Где молодыми чьи-то спят деды,
Я все ищу за списками большими
Твои, навек пропавшие, следы...

Станислав Virtuозов

Из поэмы «СТЕПАН ДЕЕВ»

...Он от большой кровопотери
В бреду хирурга называл
Поэтом Данте Алигьери
И что-то в рифму бормотал.
Бойцов тяжелых было много,
И только врач спасти их мог.
Искал осколок он недолго
И ловко из груди извлек.
«Не до изящного мне слога
И я от лирики далек, —
Добавил ласково, нестрого.
— Живи, солдат... Живи, сынок!»
Между полей вилась дорога.
Озноб исчез. Утихла дрожь.
Шел впереди хирург от Бога,
С поэтом Возрожденья схож.
...И время лечит раны тоже,
На фронт отбыть приказ был дан.
Однажды в ясный день погожий
Покинул госпиталь Степан.
О, как хотелось поиграть:
Душа скучала по баяну,
Но где такое чудо взять?!
И грустно без него Степану...
Комдив дивизии стрелковой
Вручил подарок горьковчан:
«Держи баян — фабричный, новый.
И, коль ты в музыке толковый,
Сыграй нам что-нибудь, Степан!»
Как будто онемели руки,
Притих военный весь народ...
И полились родные звуки,
Когда ты первый взял аккорд.
С тех пор баян и автомат
С тобой в боях не расставались.
Как много на груди наград,
Как тяжело они достались...

Валерий Митяев

ЛИСТЬЯ ОСЕНИ

Над домами листья, словно птицы, вьются,
К нам они теперь ведь больше не вернуться.
Что случилось с ними, никому не скажут.
И печально где-то у дороги лягут.

Пожелтели листья — стали нам дороже.
На людские судьбы все они похожи.
Потемнело небо вновь от непогоды.
Улетели листья, с ними — наши годы.

Вера Лещева

* * *

Что звезды холодные, слышала всюду.
Иные планеты, они недоступны людям.
Что касается всех их, утверждать я не буду,
А над нашею крышей не звезды, а чудо.

Согретые дымом, идущим из печи,
Они, словно кем-то зажженные свечи.
Будто камни-голышки на дне нашей речки
Или теплые зерна: случилась утечка.

А может быть, стадо заблудших овец,
И месяц-пастух их бодает рогами.
Пьют воду они из морей и из речек,
Сыты запахом трав над большими стогами.

Где ярче есть звезды, гадать я не буду,
И лучше искать я не стану нигде.
Мне как-то открылось: зажигают их люди,
Зажигают все звезды они для людей.